

**«БРАЧНАЯ КОЛЛИЗИЯ» В СЕМЬЕ КЛИРИКА ТВЕРСКОЙ
ЕПАРХИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА**

А. В. Матисон

В статье рассматривается редкая ситуация, связанная с женитьбой причетника Осташковской слободы. Вскоре оказывается, что первый муж жены причетника жив.

Ключевые слова: православное духовенство, матримониальные связи, Тверская епархия, генеалогия.

В фонде епархиальной духовной консистории, хранящемся в Государственном архиве Тверской области, находится, среди прочих источников, большой комплекс делопроизводственных документов, состоящий преимущественно из материалов о назначениях, рукоположениях в сан, перемещениях местных клириков в XVIII – начале XX в. Однако некоторые из этих документов характеризуют довольно редкие ситуации, происходившие в среде епархиального духовенства. Одна из подобных ситуаций, случившаяся в середине XVIII в. и касающаяся некоторых аспектов матримониальных отношений духовенства Русской православной церкви, рассматривается ниже. Она, разумеется, не столь сложна, как известная «история Мартина Герра», происшедшая во Франции в XVI в., но сама по себе достаточно необычна¹.

В марте 1745 г. на имя правящего архиерея дьячком Воскресенской церкви Осташковской Иосифовой слободы Алексеем Дмитриевым было подано прошение, в котором излагались обстоятельства произошедшего с ним несчастья: «В прошлых годах тому назад лет з двадцать я низжайший раб был женат первым браком на девке, с которою первоначально своею женою в законном супружестве жил осьмнатцать лет, а в прошлом 740-м году оная жена моя волею Божию умре»². После кончины супруги дьячок через четыре года вступил в новый брак («для содержания дому и воспитания осташих малолетних детей»), а избранницей его стала дочь «попова сына» Ржевского уезда Обросима Алексева. Невеста считалась вдовой, так как ранее недолгое время состояла в замужестве, но отец её «сказывал» про первого мужа, определённого в рекруты, что он «быв в службе умре».

¹ См. подробнее: Дэвис Н. З. Возвращение Мартина Герра. М., 1990.

² Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 160. Оп. 12. Д. 1. Л. 1. При цитировании источников мягкий знак и краткое «и» употребляются согласно современному произношению и проставляются знаки препинания согласно современной пунктуации.

Дьячок отмечал, что «для уверения за своею рукою мне нижайшему он Обросим и письмо дал, которое письмо и ныне у меня нижайшаго имеется». Брак Алексея Дмитриева с Февроньей Обросимовой был заключён в январе 1744 г. и продолжался без осложнений до 28 октября 1744 г., когда молодая супруга получила «своеручное письмо» от первого мужа – солдата пехотного полка Якова Исакова, по-прежнему состоявшего в военной службе. Сразу после этого, как писал дьячок, Обросим Алексеев, «затем, что прежний муж её (Февроньи. – А. М.) в живых обретается, по силе правил святых отцов и указов, от меня нижайшаго взял в дом свой по прежнему и меня нижайшаго от законнаго с нею в супружестве пребывания отрешил». Завершал своё прошение Алексей Дмитриев отнюдь не ходатайством о сохранении в качестве жены Февроньи Обросимовой, а просьбой о разрешении вступить в новый брак³.

Материалы этого дела, а также некоторые другие документы позволяют уточнить биографические данные об упоминаемых в прошении лицах. Сам Алексей Дмитриев к моменту вступления во второй брак был уже в довольно почтенном возрасте – около 46 лет (в 1720 г. указан – 22 лет). Его отец Дмитрий Лукин и брат Григорий Дмитриев служили священниками Воскресенской церкви. Сам Алексей был указан дьячком той же церкви уже в момент проведения 1-й ревизии (в 1720–1723 гг.), а во время 2-й ревизии (в 1745 г.) числился заштатным. Однако и ранее должность дьячка он на практике не исправлял: в одном свидетельстве указывалось: «питается от плотническаго своего художества». Наконец, необходимо отметить, что нам известна фамилия дьячка, так как тесть именовал его в своем письме – Алексей Дмитриев сын Рылков⁴.

Обросим Алексеев был сыном священника церкви Архангела Михаила погоста Глубокого Ржевского уезда Алексея Данилова. Сам Обросим не поступал на службу, но его сын Деметий Обросимов состоял священником в том же погосте, а дочь Февронья была выдана замуж за Якова Исакова – сына дьячка Покровской церкви погоста Рвениц Ржевского уезда. Молодожены прожили вместе только год (при этом у Февроньи родился мёртвый ребенок), после чего Яков был взят по разбору в военную службу в Воронежский пехотный полк. В присланном в 1744 г. письме Яков указывал, «что он в живых обретается в городе Риге, а в службе в Ладожском пехотном полку в четвертой роте»⁵.

Консistorия предприняла расследование сложившейся странной ситуации. В ходе разбирательства был допрошен тесть Алексея Дмитриева. В деле хранится «допросный лист» Обросима Петрова, которому были заданы несколько вопросов. Дознавателей, в частности, интересовало, от кого Обросим узнал о смерти Якова Исакова и «письменным ли или словесным

³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 12. Д. 1. Л. 1–1об.

⁴ Там же. Л. 3; Д. 9. Л. 5; Российский государственный архив древних актов (далее – РГА-ДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 2748. Л. 4; Д. 3538. Л. 91об.–92.

⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 12. Д. 1. Л. 1–3об., 20.

уведомлением». Обросим ответил, что о кончине своего зятя он «уведомился словесным уведомлением» от сына священника церкви Рождества Иоанна Предтечи погоста Ширкова Ржевского уезда Стефана Васильева, который был взят вместе с Яковом в военную службу. Необходимо, однако, отметить, что проверить эти данные не представлялось возможным, так как упомянутый Стефан умер за несколько лет до происходивших событий – в 1742 г.⁶ Более того, ранее в письме, данном Алексею Дмитриеву, Обросим Алексеев писал несколько шире, что Яков «взят в салдаты и по слышанию *от многих посторонних людей* (курсив мой. – А. М.), что де оной Яков в салдацкой службе умер и дабы тебе Алексею Дмитриеву на оной моей дочери вдове Февронии женитца без всякаго опасения»⁷.

При допросе Обросима консистория также желала узнать, каким образом его дочь получила письмо от своего первого мужа. Из показаний Обросима следовало, что письмо было получено 28 октября 1744 г. «чрез салдату тово ж Ладожского полку, а как ево зовут не упомнит». При этом он уточнял, что «то письмо ево ли (Якова. – А. М.) руки того подлинна не знает, токмо по сличению с прежним ево письмом явилось сходно»⁸. Также у Обросима было спрошено, правда ли, что свою дочь от Алексея «со всем приданным» забрал «для отдачи ее к первому мужу», что Обросимом и было подтверждено⁹.

При разрешении этой сложной коллизии консистория опиралась на 92-е правило Шестого Вселенского собора. В деле приводится соответствующая выписка из «Кормчей книги», в которой помещено упомянутое правило: «Мужеви безвести бывшу и не уведевши о нем жена ево идет за инаго прелюбы сотворит да возвратившуся мужу аще хочет да поимет ю». В толковании к правилу особо говорится о жёнах «воинов» и разъясняется, что возвратившийся «воин» имеет полное право принять обратно свою вступившую в другой брак жену («аще восхоцет»). По отношению к жене его допускается снисхождение, если известие о смерти мужа можно было считать достоверным, т. е. поступила она так по незнанию («аще посягнет по невежеству, невменяется ей в прелюбы») ¹⁰.

Основываясь на этом правиле и рассмотрении материалов дела, консистория приняла решение, что Февронья обязана жить со своим первым мужем Яковым Исаковым, «которой в живых обретается», а дьячку Алексею Дмитриеву позволялось вступить в новый брак, причём ему должны были быть возмещены понесённые убытки¹¹.

Не известно, женился ли вновь Алексей Дмитриевич Рылков, но дочери его, прижитые ещё с первой женой, благополучно выросли и вышли за-

⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 12. Д. 1. Л. 20.

⁷ Там же Л. 3.

⁸ Там же. Л. 20об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 6.

муж за осташковских посадских (Авдотья – за Никифора Ивановича Петихина, Гликерия – за Аврама Дорофеевича Дрызлова)¹².

Случившаяся история характеризует достаточно редкий случай в семейно-родственных отношениях православного населения России. Возвращения считавшихся умершими лиц, разумеется, не были обычным делом, тем более подобные ситуации весьма редки в среде духовенства, где отношение к матримониальным союзам было особенно строгим. Ничего подобного не могло произойти с кандидатами на рукоположение в сан священников или диаконов, которые должны были вступать в брак только с девицами, но даже среди церковнослужителей (дьячков и пономарей), которым разрешались браки с вдовами, подобную ситуацию можно считать «из ряда вон выходящей».

Литература:

Дэвис Н. З. Возвращение Мартина Герра. М., 1990.

A. V. Matison

**«MATRIMONIAL AFFAIR» IN THE FAMILY OF A CLERGYMAN
OF TVER EPARCHY IN THE MIDDLE OF THE 18 CENTURY.**

Summary

Article covers a rare occasion linked with the junior deacon marriage of Ostashkovskaya Sloboda (suburb). First husband of junior deacon's wife was soon found alive.

Keywords: Orthodox clergy, matrimony, Tver eparchy, genealogy.

¹² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3546. Л. 461об., 522.